

ЗВЕЗДА

5-6

О Г И З

ГОСЛАНТИЗДАТ • ЛЕНИНГРАД • 1945

НИКОЛАЙ НИКИТИН

ЧЕХОВ И ДАВИДОВ

В 1925 году молодой ленинградский актер В. И. Лебедев пришел на квартиру своего учителя Владимира Николаевича Давыдова. Великий артист русской сцены умер. Тело его свезли в Александро-Невскую лавру. В квартире началась уборка. Из ящиков письменного стола в давыдовском кабинете извлекался всякого рода бумажный хлам и, если бы не В. И. Лебедев, вместе с этим хламом погибли бы пять автографов Чехова (одна визитная карточка, две открытки и два больших письма)...

Эпистолярное наследство Чехова — невероятно богато. Но эти, спасенные от уничтожения, автографы, интересны совсем не тем, что они увеличивают количество чеховских автографов, известных нам, еще на пять «единиц». Нет, они вносят совершенно новую ноту в историю взаимоотношений между Давыдовым и Чеховым (известную нам по собранию писем А. П. Чехова, изданных М. П. Чеховой, т. II, года 1888—1889). Они значительно дополняют ту картину «волнения» и споров, которые были вызваны появлением «Иванова».

«Иванов» был поставлен сперва в Москве, в театре Корша (ноябрь, 1887), затем, через год с лишком (январь, 1889) в Александринском театре в Петербурге. В сущности, именно эта пьеса, несмотря на ряд своих недостатков, по мнению ряда критиков, выдвинула имя Чехова в первые ряды русской литературы.

Пресса обеих столиц, отзываясь на постановку «Иванова», резко разделилась на два лагеря. Все черносотенные газеты конца 1887—1888 гг. и первых месяцев 1889 г., каждая на свой лад, жестоко критиковали пьесу и Чехова. Все прогрессивные — единодушно приветствовали, считая «Иванова» — лучшим выражением своих мыслей, своих настроений и называли эту пьесу «свежей струей». Пьеса говорила о вопросах русской жизни, о больших темах. Это был общественный голос, голос совести. Это был конец первого, почти десятилетнего периода литературной деятельности Чехова, это был тот перелом в его жизни, когда, похоронив беспечного Чехонте-юмориста, литературный мир и русское общество с восторгом встречали писателя Чехова, уже чувствуя в двадцатисемилетнем таланте грядущую большую силу.

Некоторые литераторы, вспоминая об этом периоде чеховской жизни, склонны подчеркивать, что пьеса родилась «случайно», «на-

спех», «на-пари», чуть ли не из-за спора, возникшего между Чеховым и Коршам на премьере какой-то, по мнению Чехова, «вычурной, противной пьесы». Корш сказал: «А вы попробуйте-ка лучше...» И Чехов написал «Иванова» в две недели (И. Щеглов уверяет, что даже в 10 дней).

Время, затраченное на написание, конечно, не критерий в данном случае. Чайковский в месяц сочинил музыку «Пиковой дамы».

Правда, сам Чехов нередко подсмеивался над своим детищем, называя его «выкидышем». Но, конечно, это только защитная краска, тот обычный, чисто стилистический прием Чехова, которым до конца своих дней из скромности прикрывался Чехов.

Разве не в этот же переломный, критический период у Чехова вырывается совершенно иная фраза: «Всё, что я писал до сих пор, ерунда в сравнении с тем, что я хотел бы написать...» Она сказана, как раз в те месяцы, когда Чехов работает над «Ивановым». Разве последующая, уже после первой постановки, упорная работа Чехова над пьесой, не говорит о том, что и при печатании ее, и при постановках ее на сцене не могло быть ничего случайного. Чехов пережил немало волнений. Ему далеко не безразлична была специфическая судьба пьесы. «Иванов» был первой пьесой. Непонимание актеров, закулисные разговоры, слухи — всё ранило Чехова, и тогда он писал, что ему «надоел» его «Болтунов».

В переписке, собранной М. П. Чеховой, характеристика В. Н. Давыдова, («Давыденьки»), первого исполнителя роли Иванова, дана и резко-отрицательно и односторонне. Между тем, как в письмах, публикуемых нами сейчас, история их взаимоотношений, представляется совершенно иной. Что произошло? Почему Давыдов скрыл лестные для него чеховские письма от собирательницы? Случайно, сознательно? Сейчас неизвестно... Они были погребены, как в склепе, в его письменном столе. Быть может, Давыдов о них запамятовал, и, если бы не находка, мы никогда не узнали бы, что великий мастер сцены являлся до некоторой степени представителем Чехова в театре Корша... Быть может, увидев резкий и отрицательный отзыв Чехова о своей игре (том II был издан в 1912 году), Давыдов решил не опубликовать других отзывов о себе Чехова, диаметрально-противоположных, так как здесь до некото-

рой степени была затронута его честь. Обо всем этом приходится сейчас только гадать. Но, представляя себе всю историю этого периода по новым документам, можно предположить, что за эти полтора года (1887—1889) и Чехов, и Давыдов, в связи с постановкой «Иванова», оба пережили немало... Во всяком случае, они были не безразличны друг другу. И диаметрально-противоположные отзывы Чехова также возникли отнюдь не случайно... Чехов не мог быть неискренним и лицемерным.

Как же началась их дружба?

В октябре 1887 г. Чехов пишет своему брату: «Я дал роль, которую возьмется играть только такой талант, как Давыдов», «Давыдов принял за нее (роль) горячо, с восторгом. Я так угодил ему ролью, что он затащил меня к себе, продержал до 3-х часов...» Об этом же влечении друг к другу говорит и вновь найденный автограф, визитная карточка, хотя и не датированная, однако, несомненно, относящаяся к этому периоду:

«Дорогой Владимир Николаевич, сегодня я побываю у Вас и дам ответ на письмо, а пока прочтите пьесу в ее массе — тогда, думаю, мой Иванов будет яснее для Вас. Ваш А. Чехов».

Очевидно, что добросовестный Давыдов, не в пример остальным корпеевским актерам, привыкшим интересоваться только своей ролью, захотел познакомиться ближе с задачами и взглядами Чехова, и в ответ на это Чехов при своей визитной карточке отсылает ему экземпляр пьесы. Так Чехов начинает свою борьбу за то, чтобы поняли его «Иванова».

Наконец «Иванов» проходит в Москве.

После премьеры у Корша Чехов едет в Петербург, он видится там с известными писателями и журналистами (с Н. Михайловским, Г. Успенским, В. Морозенко, А. Сувориным и др.). Как равный он входит в лучшие редакции Петербурга, и чем же, как не серьезными, личными взаимоотношениями можно объяснить ниже следующее, недавно найденное письмо, в котором так подробно говорит Чехов о петербургском приеме пьесы? Ведь у Корша пьеса уже прошла, и в деловой поддержке Давыдова Чехов больше не нуждается. Однако он пишет ему дружески, пишет подробно, по пунктам рисуя всю «атмосферу», при которой пьеса проходит в Петербурге. В этом письме Чехов еще верит в Давыдова как в исполнителя Иванова.

1-го Декабря 1897

Петербург

Уважаемый Владимир Николаевич! Когда я пишу Вам это письмо, моя пьеса ходит по рукам и читается. Сверх ожидания (ехал я в Питер напуганный и ожидал мало хорошего) она в общем производит здесь очень недурное впечатление. Суворин, принявший самое живое, нервное участие в моем детище, по целым часам держит меня у себя и трактует об Иванове. Прочие тоже. Разговоров немного меньше, чем в Москве, но все-таки достаточно для того, чтобы мой Иванов надоед мне. Вкратце сообщая Вам мнение моих судей, которое сводится к следующим пунктам:

1) Пьеса написана небрежно. С внешней стороны она подлежит геенне огненной и синедриону. Язык безукоризненный.

2) Против названия возражений нет.

3) Вопрос о присутствии в пьесе безнравственного и нагло-циничного элемента возбуждает смех и недоумение.*)

4) Характеры достаточно рельефны, люди живые, а изображаемая в пьесе жизнь не сочтена. Придирик и недоумений по этому поводу пока еще не слышал, хотя выдерживаю ежедневно подробнейший экзамен.

5) Иванов *очерчен достаточно*. Ничего не нужно ни убавлять, ни добавлять. Суворин, впрочем, остался при особом мнении: «Я Иванова хорошо понимаю, потому что, кажется, я сам Иванов, но масса, которую каждый автор должен иметь в виду, не поймет его, не мешало бы дать ему монолог».

6) Буренину¹ не нравится, что в первом действии нет завязки — это не по правилам.

7) Самым лучшим и самым необходимым в интересах характеристики Иванова большим признано то место в IV действии, где Иванов прибегает перед венцом к Саше. Суворин в восторге от этого места.

8) Чувствуется в пьесе некоторая теснота вследствие избытка действующих лиц; лица избытуют в ущерб Саше и Саше, которым отведено недостаточно места и которые поэтому местами бледноваты.

9) Конец пьесы не грешит против правды, но, тем не менее, оставляет «сценическую ложь». Он может удовлетворить зрителя только при одном условии: при исключительно хорошей игре. Мне говорят: «Если вы поручитесь, что Иванова везде будут играть такие актеры, как Давыдов, то оставьте этот конец, в противном же случае мы первые опикаем вас. Есть еще много пунктов, но трудно их все уложить в одно письмо. Подробности сообщу при свидании. Судя по длинной защитительной речи, помещенной в понедельникном номере «Новости дня», разговоры о моем Иванове еще не улеглись в Москве. В Питере о нем тоже говорят, и таким образом я рискую сделаться маньяком».

Что касается исполнения моей пьесы в Театре Корша, то в питерских редакциях отзываются о нем покойно и тепло: были получены до моего приезда длинные, хвалебные отзывы (параллельно были присылаемы моими доброжелателями «журреспонденции», содержащие в себе чорт знает что...).

Резюме: из искры получился пожар. Из пустяка почему-то выросло странное, мало понятное светопредставление.

Что касается меня, то я поуспокоился на питерских хлебах и чувствую себя совершенно довольным. Вы изображали моего Иванова — в этом заключалось всё мое честолюбие. Спасибо и Вам, и всем артистам. Будьте здоровы и счастливы.

Искренно преданный А. Чехов.

Поклон Л. С. Янову. Ваши поклонны я передал всем. Григорович в Ницце. Завтра буду ему писать об Иванове и о Вас.

Этот творческий период Чехова очень богат. Чехов работает с подъемом. Тут же среди всех театральных волнений и театральной сутолоки,

* Это ответ на вызывающие статьи реакционной части московской прессы. Н. Н.

¹ Фельетонист газеты «Новое время».

кроме «Степи», пишутся «Именины» и «Скучная история». Тут же он пробует себя в «малой форме». Чехов выпускает «Калхаса» для Давыдова. Опыт удачен, хотя, по обыкновению, Чехов не придает ему «никакого значения».

1887

Уважаемый
Владимир Николаевич!

Вернувшись вчера от Вас, я усадил своих братьев за переписку — Калхас готов и посылается Вам в двух экземплярах. Если Вы найдете его годным и, как говорили вчера, пошлете его в цензуру сами, то будьте добры, дайте мне знать, чтобы я параллельно с пьесой послал прошение...

Жму Вам руку и пребываю искренно
преданный
А. Чехов

3 января. 1888

Уважаемый
Владимир Николаевич!

Помня Ваше обещание побывать у меня, на всякий случай извещаю Вас, что сегодня еду в деревню, где пробуду 3, 4 и 5 января. Возвращусь в ночь под 6-ое. Как мой Калхас?

Искренно преданный А. Чехов

Поклон Вашему сожителю.

Эти две открытки говорят о прежних дружеских связях между Давыдовым и Чеховым. Это подтверждается и дальнейшими их отношениями.

Работа над «Ивановым» не кончилась. Чехов опять меняет текст, композицию, финал пьесы. Даже отослав в Александрию (Давыдов уже там) вторую редакцию пьесы, Чехов снова возвращается к ней. Он входит не только в распределение ролей, он готов к новым отделкам и переработкам текста и по этому поводу 4 января 1889 г. опять пишет к Давыдову, как к своему представителю:

Добрейший Владимир Николаевич! Прежде всего по христианскому обычаю поздравляю Вас и все Ваше семейство с Новым годом, с новым счастьем и желаю Вам побольше здоровья, денег и успехов. За сим приступаю к делу. Мой покойный «Иванов», как Вам известно, вырыт из могилы и вновь подвергается экспертизе. Когда высшие власти потребовали от меня распределения ролей, то я, послушный Вашему желанию, заявленному Вами в одну из последних наших бесед, написал, что Иванова будете играть непременно Вы. Вчера же я получил от Суворина телеграмму, в которой А. С. извещает меня, что, по слухам, Вы желаете играть Лебедева. Рядкое Ваше желание в сфере «Иванова» составляет для меня закон. Если бы Вы согласились взять сразу две-три роли, то мне оставалось бы только радоваться за свою пьесу. Итак — времени еще много, изменения делать можно, какие угодно. Если в самом деле Вы желаете играть Лебедева, то напишите мне. В своем распределении роль Лебедева я назначил г. Варламову¹, и это Вы посоветовали мне.

Так как г. Варламову, вероятно, еще неизвестно об этом, то, думаю, не произойдет никакой неловкости, если я захочу исполнить Ваше желание. Но кто же будет играть Иванова? Г. Сазонов¹, говорят, занят в другой пьесе. Правда ли, что у Гамбургера Вы играли моего «Медведя»?

Я приеду 20—21-го января, или даже 22-го. Ананьеву Ваш поклон передам.

О чем еще написать Вам? Новостей нет никаких, морозы лютые, денег адеки мало, темерой страшний; у Корша дела катятся вниз по наклонной плоскости с быстротой курьерского поезда. Вашему семейству передайте мой поклон и сердечную благодарность за хлеб да соль. Павлу Павловичу привет и приглашение не пикиать моему многострадальному «Иванову».

Все мои Вам кланяются.

Душевно преданный

А. Чехов

Кудринская Садовая, д. Корнеева.

И вот в это же самое время в письмах к другим лицам (в письмах, опубликованных М. П. Чеховой и помеченных тем же самым январем) Чехов так высказывается о Давыдове: «Если бы Иванова играл гибкий, энергичный актер, то я многое бы прибавил и изменил. У меня разошлась рука. Но, увы! Иванова играет Давыдов. Это значит, что нужно писать покороче, посерее, памятуя, что все тонкости и «нюансы» сольются в серый круг и будут скучны. Разве Д. может быть то мягким, то бешеным? Когда он играет серьезные роли, то у него в горле сидит мельничка, монотонная и слабовзвучная, которая играет вместо него... Мне жаль бедную Савину, что она играет дохлую Сашу... Мне просто стыдно, что Савина в моей пьесе будет играть чорт знает что. Знай я во времена оны, что она будет играть Сашу, а Давыдов — Иванова, я назвал бы свою пьесу «Саша» и на этой роли построил бы всю суть, а Иванова прицепил бы только сбоку...»

(Письмо к А. Суворину, опубликованное во II томе от 7/1 1889).

О чем же говорит это письмо, написанное через 3 дня после того, как было послано письмо, сейчас впервые публикуемое?

Разгадка его ясна.

Снова окупившись в работу над пьесой, снова внимательно, по деталям отшлифовывая своего Иванова, Чехов уже видит, что не Давыдову играть эту роль. Чехов чувствует, что для Иванова для этого «бешеного» и в то же время «мягкого» темперамента Давыдов никак не годится. В переписку об этом «встречает» вездесущий Суворин, окрестивший Иванова «подлецом». И если Иванова не понимает даже Суворин, то что же могут понять актеры? Так считает Чехов. Суворину Чехов буквально вдалбливает свои мысли, которые потом и легли в основу суворинской статьи об «Иванове». Но нельзя вдобавить актеру спенический образ. И вот в результате такой предпремьерной горячки, такой типично театральной суестьи и рождаются отрицательные отзывы о Давыдове.

Велики театральные самолюбия и незыблемы «законы кулис». Давыдов уже играл эту роль... Поэтому отнять ее у него невозможно. Сам Давыдов, очевидно, также не уверен в своем Иванове. Очевидно об этом идут какие-то за-

¹ Знаменитый комический актер Александринского театра.

¹ Актер Александринского театра.

кулисные разговоры. Недаром Чехов спрашивает Суворина в письме от 3/1 1889 года: «Давыдов хочет играть Лебедева? Был бы очень рад».

Письмо совершенно искреннее. В нем та же любовь к Давыдову, как к актеру. Тем более, что роль Лебедева действительно очень подходит для Давыдова.

Чехов, конечно, ошибался, считая Давыдова, неспособным на «серьезные роли», принимая его только за комика и простака. Но, конечно, неправ был и Давыдов, взявшись снова играть такую неподходящую для себя роль, как Иванов.

Положение Чехова на репетиции было ужасным. Актеры играют плохо... Это были бесконечные и в то же время напрасные, бесполезные объяснения, при которых Давыдов действительно мог ему показаться «нудным».

Для Иванова, конечно, нужен был иной характер, иной актер. Впоследствии его дал МХАТ в лице Качалова.

Давыдов не понял всех чеховских терзаний. Один, переживая петербургскую премьеру, несмотря ни на что, всё-таки был драматург и не мог быть вполне беспристрастным. Другой слишком был актер. И несомненно, что чеховские письма, опубликованные впоследствии М. П., были для Давыдова горькой обидой. Но если один мог быть безжалостен к себе, называя свою «Сашу» — «дохлой Сашей», а Иванова — «Болвановым», то другой мог быть излишне самолюбивым, мог страдать слишком актерским самолюбием.

Кстати, лестное упоминание о Савиной, которая как человек была антиподом Давыдо-

ва на Александринской сцене, также пожалуй сыграло свою роль. Здесь полезно вспомнить старые слова о том, что «артисты, ведь те же дети».

Восполняя сейчас новыми письмами историю взаимоотношений между Давыдовым и Чеховым, мы намеревались, помимо того литературного значения, которое имеют эти письма, рассеять и как-то разъяснить тот «холодок», который по старой документации существовал между Давыдовым и Чеховым.

Да, между ними возникло столь естественное и обычное театральное недоразумение. Но это только одна сторона медали.

Во всяком случае новые письма подтверждают еще и другое. А именно, что Давыдов был не только рядовым исполнителем. Всё-таки, несмотря ни на что, он был близок Чехову, он был одним из тех, кто «проводил» на сцену первые драматургические работы Чехова. Он неудачно играл Иванова. Но он был культурнейший актер своего времени. Он первый понял, кем является Чехов для русского театра, и чеховские письма к Давыдову, несомненно, подтверждают это.

Латинская поговорка о том, что книги имеют свою судьбу, справедлива и в отношении документов. Эти пять автографов Чехова, вынутые в свое время чуть ли не из печки, в годы Отечественной войны также могли бы погибнуть. Достаточно сказать, что они побывали даже в партизанском лагере между Лугой и Уторгошем.

С осени 1944 года они находятся в Литературном музее им. Горького.